

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Д. Н. Платонов¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

О. Н. Емельянова²,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯПОНИИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД БАКУМАЦУ (1853–1868)

В отечественной историографии наберется немного работ, которые исследуют проблему экономического развития Японии в период Токугава. Однако посвящая свои труды столь длительному периоду японской истории (эпоха Токугава продлилась более 250 лет, 1602–1867), отечественные и западные исследователи мало уделяют внимание периоду бакумацу (1853–1868). С исторической точки зрения годы бакумацу представляют собой интерес в основном как этап завершения правления династии военных правителей дома Токугава. С экономической — в это время ярко проявился весь спектр социальных, политических и экономических проблем, накопленных ранее, а также произошли резкие изменения многих тенденций экономического развития страны, что было связано с открытием японского рынка для международной торговли. Целью данной работы является комплексное изучение социально-экономических особенностей развития Японии в период бакумацу, которые стали исходными условиями для дальнейшей индустриализации страны и ее экономического подъема.

Ключевые слова: бакумацу, открытие Японии, международная торговля, промышленное развитие, текстильное производство, земельные отношения.

SPECIAL FEATURES OF THE SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT OF JAPAN DURING THE BAKUMATSU TRANSITION PERIOD (1853–1868)

In Russian historiography there are few articles investigating the problem of Japan's economic development during the Tokugawa period from 1602 to 1867. However, both the Russian and Western researchers covering the long Tokugawa period of more than 250 years, paid little

¹ Платонов Дмитрий Николаевич, д.э.н., профессор экономического факультета; e-mail: dnp@hotmail.ru

² Емельянова Олеся Николаевна, старший преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики; e-mail: EmelianovaLesia@hotmail.com

attention to the bakumatsu period from 1853 to 1868. In terms of political history, the bakumatsu years are significant for the ending of the Tokugawa's military government. However, from the economic viewpoint, a wide range of problems had accumulated and they became more evident due to the opening of the Japanese market for international trade. This caused dramatic changes in the country's economic development trends. This article presents a comprehensive review of the social and economic characteristics of Japan's development during the bakumatsu period that triggered Japan's economic recovery and entailed industrialization in the country.

Key words: bakumatsu, opening of Japan, international trade, industrial development, textile production, land tenure.

Введение

Период с 1853 по 1868 г. вошел в историю Японии под названием *бакумацу* («конец системы бакуфу»). Несмотря на то что с точки зрения политической истории Японии *бакумацу* является частью эпохи правления династии военных правителей Токугава (эпоха Токугава: 1603–1868), экономическое взаимодействие страны с внешним миром в этот период существенно изменилось.

В результате военного давления США в 1853 г. правительство Японии приняло решение прекратить политику самоизоляции страны (яп. *сакоку*, «закрытие страны»), которая проводилась на протяжении 250 лет¹. Япония подписала ряд договоров со странами Запада, по которым в 1859 г. были открыты для международной торговли первые три порта: Канагава (современное название Йокогама), Нагасаки и Хакодате.

Изменившиеся условия взаимодействия Японии с внешним миром в период *бакумацу* требовали от правительства выработки новой стратегии развития страны. Очевидна была необходимость проведения системных реформ, в том числе в экономической сфере, поскольку прежняя модель развития не могла противостоять внешней колониальной угрозе. Однако, несмотря на обострившуюся ситуацию, правительство Японии в недостаточной степени регулировало и не контролировало экономические изменения, которые происходили в стране. Такая ситуация продолжалась до момента смены власти и наступления новой эпохи в истории Японии, получившей название Мэйдзи (1868–1912).

Экономическая ситуация осложнялась еще и тем, что в результате подписания «неравноправных договоров» Япония была лишена возможности проводить протекционистскую политику². Заметим, что в первую половину

¹ При том, что прекращение политики *сакоку* существенно изменило глубину экономического взаимодействия Японии с западным миром, не следует считать, что прежде страна была полностью изолирована от внешних контактов. Подробнее см.: [Кавакацу, 1991].

² Митио Морисима в своей работе «Каким образом Япония добилась успеха» отмечает, что в эпоху Токугава «изоляция страны была равносильна протекционистской торговой политике» [Морисима, 1984, с. 15].

эпохи Мэйдзи, когда Япония начала осуществление индустриализации, это принципиально отличало условия ее развития от соответствующей стадии экономического развития стран Европы и США. Например, правительство Великобритании вплоть до завершения первичной индустриализации (30–40-е гг. XIX в.) проводило жесткую политику ограничения импорта готовых товаров, регулировало уровень оплаты труда, цен и условия работы¹.

Следует также подчеркнуть, что экономические процессы, развивавшиеся в Японии в период *бакумацу*, не вытекали из логики развития Японии в первой половине XIX в. Период *бакумацу* характеризуется сломом экономической системы эпохи Токугава, произошедшим в результате внешнего влияния со стороны западных стран, и по этой причине требует отдельного подробного исследования.

При этом период *бакумацу* остается недостаточно изученным, являясь лишь составной частью больших исследований, посвященных эпохе Токугава. В таких работах не акцентируется внимание на проблеме изменения тенденций экономического, в том числе промышленного, развития страны.

Глубина исследований периода *бакумацу* также обусловлена скудностью статистической информации в целом и сложностью доступа к документам регионального значения. Подробная информация о промышленном развитии Японии в середине XIX в. отсутствует, поскольку в этот период статистические исследования в страновом масштабе правительством не проводились. В научной литературе имеются разрозненные данные по отдельным регионам страны, на основании которых можно сделать лишь приблизительные обобщения. Среди исследователей, уделяющих особое внимание проблемам промышленного развития Японии в период *бакумацу*, следует выделить работы японских ученых Сайто Осаму и Нисикава Сюнсаку, которые прикладывают большие усилия для введения в научный оборот документов региональных правительств.

Социально-экономическая система Японии в период бакумацу

До момента начала проведения всесторонних реформ в эпоху Мэйдзи в Японии сохранялась традиционная, сформировавшаяся в эпоху Токугава сословная структура общества. Японский народ был разделен на четыре сословия: самураи — *си*, крестьяне — *но*, ремесленники — *ко*, торговцы — *сё*. Поэтому социальная система Японии закрепила за собой название *синокосё*.

¹ Согласно расчетам английского исследователя Дж. Ная, в первой половине XIX в. уровень импортных тарифов в Великобритании был выше, чем во Франции [Harrison, 1992, с. 260; Wallerstein, 1980, p. 80].

Самураи делились на *даймё* и остальных представителей военного сословия, которые на социальной лестнице стояли ниже *даймё*. Киотская аристократия, представлявшая двор императора, и буддийское и синтоистское духовенство также относились к сословию самураев, однако на практике представляли собой элиту и стояли наравне с *даймё*. Вознаграждением за службу самурая был фиксированный паек, в среднем в эпоху Токугава самурай получал 200 коку риса [Nakamura, 1966, с. 433]. Частью самурайского сословия также был *сёгун*, но в иерархии самураев он занимал наиболее привилегированное положение. *Сёгун* занимался управлением Японией, должность его переходила по наследству.

Далее по статусу после самураев шли крестьяне, за ними ремесленники. Торговцы занимали самую низшую ступень на социальной лестнице. К середине XIX в. наметились тенденции к размыванию сословной структуры. Все больше развивалась система отходничества в города. Однако по сравнению с другими азиатскими странами, например, с Индией японская социальная структура не была жестко зафиксирована. В силу крайней традиционности японского общества и склонности к системе наследования профессий изменение сословия встречалось нечасто¹. Кроме того, существовали указы, которые запрещали уход крестьян из деревень, особенно это касалось тех, кто занимал в деревне какую-либо официальную должность. Покинуть деревню можно было, только получив специальное разрешение.

Вершиной социальной пирамиды Японии был государь (*микадо*)². Традиционно он не принимал участия в политической жизни страны, а считался сакральной фигурой, верховным жрецом, связывая материальный мир с божественным³. Также он был абсолютным властителем всей Японии, включая подданных, проживающих на японской земле.

¹ За пределами сословного деления остались артисты, музыканты, танцоры, а также две особые самые низшие группы населения, которые назывались *эта* (или *буракумин*) и *хинин*. Первые имели род занятий, связанных со смертью или соприкосновением с кровью, что с точки зрения буддизма было нечистым, скверным родом деятельности; они занимались забоем скота, выделкой кож, уборкой мусора. Жили изолированно от других сословий, в отдельных поселениях; и эти профессии, как и сам социальный статус, были наследственными. К *хинин* относились японцы, подвергшиеся наказанию за преступления, в том числе и политические преступники. Такие японцы выполняли в основном работу по обслуживанию казней. Этот статус не передавался по наследству и даже мог быть снят в результате достаточного искупления своей вины. К *хинин* также относились нищие и бродяги. Жили *хинин* среди остальных сословий.

² В отечественной литературе его часто называют императором Японии, хотя, на наш взгляд, это недостаточно обоснованный термин.

³ Представители иностранных государств, присланные в Японию для налаживания международных контактов после открытия страны в 1853 г., столкнулись с проблемой непонимания системы управления и распределения функций между отдельными представителями власти в Японии. Трудность восприятия японского аппарата управления страной

Вся территория Японии условно включала земли, непосредственно управляемые правительством (делились на административные единицы *кэн*), и земли, находившиеся под управлением крупных даймё (делились на административные единицы *хан*). По некоторым источникам, соотношение этих территорий составляло примерно 1/1 [Богданович, 2003, с. 105]. Но встречаются и данные, по которым территории под управлением даймё составляли 3/4 территории Японии [Marius, 2002, с. 49].

На местах административную власть представляли наместники. В районах *кэн* наместники назначались правительством, в основном это были самураи, ранее находившиеся на службе у дома Токугава. В районах *хан* наместниками считались даймё и управление осуществлялось их администрацией. Следует, правда, учесть, что сами даймё, подчиняясь системе заложничества *санкинкотай*¹, большую часть своей жизни проводили в Эдо² и не участвовали в непосредственном управлении регионом.

На местах управленческие функции исполнялись местной выборной администрацией, как правило, представителем наиболее зажиточных крестьянских семей. Со временем эти должности становились наследственными. Крестьянские хозяйства объединялись в группы обычно по пять семей, напоминающие общины. Эти объединения несли общую административную ответственность и были связаны круговой порукой.

Вопросы землепользования имели большое значение для традиционной экономики Японии. При этом, по мнению японского исследователя Сайто Осаму, «очень сложно определить, кто объективно владел землей в рамках системы, сформировавшейся в эпоху Токугава» [Saito, 2009, с. 171]. Самураям, в число которых входили и даймё, отводилось лишь право заниматься общими вопросами управления территориями, в то время как право владения землей было закреплено за крестьянами. При этом экономическая свобода крестьян в поземельных вопросах была ограничена, в том числе в вопросах передачи права пользования землей.

можно проиллюстрировать на примере различия функций государя в японской и западной традициях. Если на Западе (как и в России) государь — это военачальник, то государь в Японии (*микадо*) — жрец, «высшая земная инстанция, которая корректирует природные явления во всей стране». Подробнее о специфике верховной власти в Японии см.: [Мещеряков, 2004].

¹ Санкинкотай — система заложничества, внедренная с целью увеличения контроля правительства *сёгуна* над *даймё*. По этой системе все *даймё* были обязаны несколько месяцев в году пребывать в Осаке на виду у Хидэёси, а некоторые члены их семей проживать здесь постоянно. Эти меры позволяли также оттягивать значительную часть доходов *даймё* на развитие города, так как стимулировали соперничество между *даймё* в вопросе сооружения достойных своему положению резиденций, а также благоустройство прилегающих к ним районов, развитие которых было также отдано им на откуп.

² Эдо — название современной столицы Японии Токио до 1868 г. Однако, не будучи столицей, г. Эдо в то время играл роль административного и политического центра страны, поскольку там была размещена ставка военных правителей Японии.

Например, с 1643 г. крестьянам была запрещена «бессрочная продажа земли».

С другой стороны, указ Хидэёси предписывал самураям, составлявшим административно-управленческий аппарат *даймё*, переселяться в города, в результате чего полностью отделял самураев от земли и лишал их возможности осуществлять непосредственный административный контроль экономической деятельности на местах.

Таким образом, непосредственное управление жизнью деревни осуществляли местные старосты, в том числе они контролировали вопросы, касающиеся использования, продажи и наследования земли [Ота, 1997, с. 110—111]. Права на владение земельными участками также гарантировались деревенскими старостами. Даже записи о размерах возделываемых участков, информация об их владельцах хранились не у военной администрации, а у глав деревень [Saito, 2009, с. 171].

Возвращаясь к закону, запрещавшему продаже земли, следует отметить следующее. Хотя он и не позволял бессрочную продажу, местной деревенской администрацией закон трактовался как разрешающий продажу земли на определенный период времени, что на практике обозначало возможность передачи земли в залог. При этом была распространена практика, когда предмет залога, земля, переходил на время действия контракта к кредитору, в результате чего крестьянин, заложивший землю и продолжавший ее возделывать, фактически становился арендатором этой земли. Таким образом, при официальном запрете на продажу земля все же передавалась во владение от одной семьи к другой. Чаще всего ротация земли происходила внутри деревенского сообщества, однако система не исключала ситуаций, когда земля уходила во владение за пределы деревни. За эпоху Токугава около 10% крестьян в северо-западных регионах страны и более 30% крестьян в центральных регионах потеряли право владения землей, а в среднем по Японии 30% земли в период *бакумацу* обрабатывалось на правах аренды [Saito, 2009, с. 172].

Отношения между арендатором и владельцем земли обуславливались обычным правом. Это приводило к тому, что данные соглашения подразумевали долгосрочность, при этом обязательства переходили из поколения в поколение. Владельцы арендуемой земли являлись деревенской элитой, их жизнь была непосредственно связана с данной общиной. Это заставляло их действовать не только с учетом собственной выгоды, но и заботиться о благополучии деревни в целом, предоставляя односельчанам кредиты под небольшой процент в случае такой необходимости, активно финансируя работы по обустройству инфраструктуры, снижая сумму арендной выплаты в неурожайные годы, пробуя новые методы культивирования на своих землях с тем, чтобы после способствовать их распространению в деревне.

Поскольку крестьяне составляли более 80% населения Японии, они были основной группой населения, облагаемой налогом. Экономической единицей в деревне была отдельная семья (налог выплачивал глава семьи, который был внесен в кадастровые документы). При этом деревня несла коллективную ответственность за выплату налога. Кроме того, контроль осуществлялся через систему «пятиворок» (*гонингуми*). Размер налога не был фиксированным [Лещенко, 2010, с. 141] и мог различаться в зависимости от региона и метода подсчета.

Внутренний рынок Японии уже в первой половине XIX в. был развитым. Уже к концу XVIII в. Япония была достаточно урбанизированной страной. По расчетам Сэкияма Наотаро, городские жители составляли 12% всего населения страны, или 17% от численности сельского населения. Считается, что уровень объединенности японского внутреннего рынка ничуть не уступал ведущим мировым державам, а его развитие в основном стимулировалось спросом, возникающим со стороны крупных городов. Формирование и усложнение товарно-производственных цепочек, в свою очередь, способствовало развитию транспортной инфраструктуры, охватывающей плотную сеть большую часть страны, таким образом все больше укрепляя региональные взаимосвязи рынка.

Одним из индикаторов наличия японского внутреннего рынка может служить факт существования крупных городских центров. Например, Токио в эпоху *бакумацу* имел население численностью 1 млн человек, соответствуя по этому показателю Лондону. Осака и Киото насчитывали 300 тыс. и 200 тыс. человек соответственно, Нагоя и Канадзава — около 100 тыс. человек. В это же время в Англии за исключением Лондона «не было других городов, население которых превышало 100 тыс. человек. Только 5 городов насчитывали более 50 тыс. человек» [Маркс, 1965, с. 660–661].

Киото был столичным городом, в котором проживал государь с придворной аристократией, а Эдо (современный Токио) — крупным городом, в котором располагалась ставка сёгуна и военная аристократия. Эти центры развивались как «города-потребители», что объяснялось их социальным составом населения. Здесь был сосредоточен основной спрос на производимые в стране товары, начиная от продовольствия и заканчивая предметами роскоши, производимые в разных регионах страны. В больших количествах в Эдо поставлялся рис, так как в западных районах Японии условия для его возделывания были лучше, а вокруг Эдо в основном располагались суходольные поля.

Несмотря на развитую сеть торговых связей, на их фоне явно выделялась основная артерия Японии: Эдо — Осака. Город Осака был логистическим центром Японии, через который проходило большинство торговых путей, здесь были сконцентрированы головные офисы торговых домов и располагалась «рисовая» биржа, созданная при сёгуне Ёсимунэ.

На Осацкой «рисовой» бирже устанавливали официальные годовые цены на него. В связи с этим Осаку времен Токугава стали образно называть «кухней Поднебесной».

Постепенно развивалась специализация регионов, что способствовало развитию транспортной инфраструктуры, необходимой для доставки товаров в основные экономические центры страны. В связи с этим наблюдался и рост каботажного плавания, и увеличение работ по строительству дорог. По всей Японии возникает множество оживленных портовых городов исключительно для нужд внутренней торговли. От города Эдо протянулись пять радиальных дорог, на каждой из которых на расстоянии 10 км располагались почтовые станции [Лещенко, 1991, с. 134–135].

Одновременно с этим не следует забывать, что в период *бакумацу* в Японии финансовая система все еще не была централизованной, в хождении оставалось большое разнообразие денежных знаков. В 1868 г. в Японии в обращении находилось 1694 вида денежных знаков [Гальперин, 1958, с. 212], многие из которых использовались только в пределах определенных административно-территориальных единиц¹. Среди них были серебряные (7 видов монет, которые в 1869 г. составляли 42% от монет, которые были в обращении), золотые (11 видов, 54%) и медные монеты (6 видов, 4%), трудно соотносящиеся между собой по весу и номиналу [Matsukata, 1899, с. 6]. В обращении было также большое многообразие бумажных денежных знаков, выпущенных региональными правительствами и имеющих неупорядоченную географию обращения, многие из них использовались только в пределах определенных административно-территориальных единиц (*хан*); наряду с вышеперечисленными в торговле также действовали товарные чеки и сохранные расписки. Также сохранялись таможенные заставы между регионами, что не могло не сдерживать развитие рыночных отношений.

Динамика развития промышленности в период *бакумацу*

Международной торговли Япония практически не вела. Перечень закупаемых через голландскую Вест-Индскую компанию и немногочисленные контакты с китайскими торговцами в XVIII в. товаров сводился в основном к предметам роскоши, включая технологические новинки Запада в единичных экземплярах, литературе философского и научного характера [Om Prakash, 1985, с. 73]. В начале XIX в. список стал пополняться поставками европейского вооружения. Был и ряд товаров, которые Гол-

¹ Денежная система была четырехзначной. Основной денежной единицей была *рё*, которая делилась на четыре *бу*, которые, в свою очередь, состояли из 4 *сю*. Новая система в качестве основной денежной единицы вводила иены. Одна иена теперь делилась на 100 *сэн*, единица *сэн* же состояла из 10 *ри*.

ландия вывозила из Японии, среди них в Европе высоко ценились японский тонкий фарфор и лакированные изделия. Японские вазы какиемон поставлялись во дворцы [Saito, 2003, с. 63].

В районе Каминоэски (юго-восточная часть современной префектуры Ямагути, бывший регион Тёсю) в 1840-х гг. крестьянские хозяйства составляли 82% от общего количества хозяйств. При этом более половины (55%) всего дохода Каминоэски составлял доход от несельскохозяйственной деятельности населения. Такие показатели говорят о широком распространении несельскохозяйственной деятельности в крестьянских семьях [Smith, 1969, с. 692–693]. Но даже если учесть критику, связанную с тем, что Каминоэски был выгодно расположен в районе развитых торговых путей, данные за тот же период, позже рассчитанные профессором Нисикавой, по всему региону Тёсю показали, что 39% дохода населения Тёсю и 48% объема внутреннего производства формировались несельскохозяйственным производством [Нихон икоки..., 1979, с. 26].

Следует оговориться, что несельскохозяйственная деятельность включала в себя в том числе и морской промысел и торговлю. В любом случае, анализируя документы регионального правительства, японские исследователи приходят к выводу о том, что до открытия японского рынка большую часть доходов казне приносила хлопчатобумажная продукция, которая не только имела спрос на внутреннем рынке, но и была весомой статьёй экспорта. Серьезный рост хлопчатобумажного производства наблюдался и во многих других районах Японии, становясь важным товаром в межрегиональной торговле [Saito, 1983, с. 163].

Однако после открытия Японии для международной торговли в 1854 г. в структуре внутренней традиционной промышленности произошли кардинальные изменения. Особенно серьезное влияние это событие оказало на хлопчатобумажное производство и шелкопрядение, причем это воздействие имело разнонаправленный характер. Японское традиционное хлопчатобумажное производство, в основном распространенное в западных районах страны, не выдерживало конкуренцию с аналогичными импортными товарами, произведенными промышленным путем, особенно серьезно пострадало от этого внутреннее производство хлопчатобумажных ниток. Одновременно с этим не такая простая ситуация сложилась в японском производстве хлопчатобумажных тканей, так как были регионы, быстро переключившиеся на импортные поставки более дешевой нитки, что позволило сохранить и развивать дальше надомное производство. Серьезные изменения произошли в производстве шелковых ниток. Регионы, специализировавшиеся на данном товаре, располагались в горных восточных районах страны, которые были сильно удалены от экономических центров, что не способствовало их развитию. Но после открытия портов и многократного увеличения спроса на шелковую нитку ситуация резко изменилась, регионы, традиционно

производившие этот товар, существенно нарастили объемы производства, а вместе с тем произошел экономический подъем самих регионов [Saito, 1983, с. 164–165].

При этом, несмотря на общий рост показателя ВВП, после открытия экономики Японии, на фоне роста производства товаров, востребованных к экспорту, происходил серьезный упадок отраслей, столкнувшихся с замещением национального продукта более дешевым импортом. Особенно это стало заметно с 1859 г., когда количество портов, открывшихся для международной торговли, увеличилось.

Все эти процессы в Японии разворачивались в условиях активной индустриализации в США и странах Европы, что определяло характер их экономического взаимодействия с менее развитыми странами. Став участником мировой торговли, Япония оказалась на первом этапе не столько субъектом, сколько объектом международных экономических отношений.

Развитые страны Запада и США предъявляли спрос в основном на сельскохозяйственные продукты и природные ресурсы, предлагая взамен готовые промышленные товары. Объемы мировой торговли существенно увеличивались каждое десятилетие, составив в 1850 г. 800 млн фунтов, а к 1860 г. увеличившись почти в два раза до 1 млрд 450 млн фунтов, в 1872–1873 гг. — достигнув среднегодового уровня в 2 млрд 900 млн фунтов, а в 1895–1899 гг. в среднем составив 3 млрд 900 млн фунтов [Ishah, 1958, с. 57].

С момента открытия границ Японии до начала упорядоченной государственной экономической политики, формирование которой наблюдается только со сменой власти в 1868 г., Япония проживала переходный период, который проявлялся в перестройке и частично разрушении привычного традиционного уклада при отсутствии процессов формирования централизованной комплексной политики адаптации рынка к новым условиям. Такая политика невмешательства центральной власти в проблему деформации устоявшейся структуры экономики усиливала стихийность протекавших процессов. Наблюдались высокие темпы роста инфляции, цены на рис на рынке Осаки выросли с 1858 по 1866 г. в 11 раз [Кито Хирочи, 2002, с. 238].

Некоторые традиционные центры производства хлопчатобумажных тканей, такие как Мока, Симоцукэ (часть современной префектуры Тотиги) и некоторые районы Хоки (часть современной префектуры Тоттори), особенно процветавшие в 1830–1840-е гг., перестали существовать после открытия портов. Хотя на этом фоне были и исключения, южные районы Сэнсю и Энсю (части современных префектур Осака и Сидзуока) не только смогли сохраниться, но к концу 80-х гг. достигли расцвета, причем продолжая развивать традиционное надо-

мное производство, не переходя к фабричной технологии [Saito, 1986, с. 18]¹.

Несмотря на то что развитие традиционной промышленности произошло достаточно активно и затронуло многие регионы, в Японии не наблюдалось четкого разделения труда по регионам. Кроме того, развитие традиционной промышленности не оказывало влияния на структуру крестьянских домохозяйств и даже не приводило к значительному росту численности населения. Для объяснения последнего факта профессор Сайто Осаму предлагает обратить внимание на условия первичной индустриализации в Японии, отмечая, что плотность населения в стране уже в начале XVIII в. была выше того же показателя в Западной Европе в конце XVIII в. [Saito, 1983, с. 162].

Что касается индустриального производства во второй четверти XIX в., то следует отметить, что упоминаний о его развитии практически не существует. Только после 1853 г. появляются некоторые попытки внедрить западные технологии производства. Бесспорными лидерами в этом деле стали юго-западные княжества, которые больше остальных имели возможность контактировать с западными странами. Например, на территории княжества Сацума в г. Кагосима были построены текстильная фабрика, отражательная и доменная печи, организовано производство стекла, серной и азотной кислот, телеграфной аппаратуры, пороха, также началось первое строительство военно-морских судов. Кроме того, в Сацуме были организованы мануфактуры по производству сахара, смолы, растительного масла, шафрана и киновари [Лещенко, 1991, с. 147–148].

В 1853 г. правительство отменило запрет на строительство крупных судов, что стимулировало первые попытки строительства собственных больших кораблей. Большое распространение получили установки отражательных печей, что было важно для развития военного производства. После первой установки отражательной печи в княжестве Сага (1852) аналогичные печи были построены в княжествах Сацума, Нираяма, Хидзэн, Мито, Тоттори, а в 1859 г. в княжестве Тёсю.

Однако самым заметным событием стало строительство ряда металлургических и судостроительных предприятий, а именно металлургического завода Нагасаки в 1861 г., военных верфей и металлургического завода в Кобэ в 1863 г., а также верфей в Йокосуке. Все эти объекты финансировались правительством *бакуфу*. Для реализации этих проектов в Японию приглашались западные специалисты, которые помимо создания производств занимались обучением японцев для работы с новыми технологиями [Ёсида, 1968, с. 17–18].

На развитие специализации регионов оказала некоторое влияние и внешняя торговля в период Токугава. В западной части Японии ак-

¹ См. также статьи Сугихара Каору и Кавасаки Хэйта в сборнике [Киндай адзия..., 1985].

тивно развивалась разработка рудников и шелководства, которые были ориентированы главным образом на внешнюю торговлю. Шелководство было распространено в основном в восточных регионах Японии, а хлопок в основном выращивался в западных районах страны.

Значительная часть населения префектур о-ва Цусима, префектур Нагасаки и Кагосима, городов Осака, Киото, а также других городов, расположенных на побережье Внутреннего Японского моря, была занята во внешней торговле, которая давала им средства для жизни. Отходничество в города из деревень, расположенных вокруг Киото, было связано с производством шелковых тканей из импортного сырья. В XVII в. около 100 тыс. человек производили разные товары на экспорт. При этом связь с внешним миром носила постоянный, а не эпизодический характер с голландскими торговцами в порту Нагасаки [Кавакацу, 2000, с. 2–7].

В XIX в. экономический центр переместился из развитых сельскохозяйственных районов западной Японии на восток страны, где более интенсивно развивались производственные отношения. Многие деревни полностью переключились на выращивание шелка и производство шелковых тканей.

Анализ структуры производства накануне реставрации Мэйдзи

Первая большая работа по сбору статистических данных об уровне производства в Японии была проведена правительством Мэйдзи в 1873–1874 гг. На основании этого исследования в декабре 1875 г. Министерство внутренних дел опубликовало статистическую информацию «Таблица распределения производства по префектурам и продуктам»¹ [Ямагути, 1951]. За исключением регионов Хоккайдо и Рюкю изучению подлежали административные единицы, Токио, Киото и Осака, а также 60 префектур от Аомори на севере до Кагосимы на юге. По этим данным можно судить об экономической ситуации в Японии на рубеже эпох Токугава и Мэйдзи. Так как с начала 70-х гг. основные экономические преобразования только начинали проводиться, можно считать, что картина, полученная в ходе этого исследования, проведенного Министерством внутренних дел, приблизительно соответствует ситуации, сложившейся в Японии к началу эпохи Мэйдзи.

¹ *Ямагути Кадзуо*. Мэйдзи нана нэн фукэн буссанхё-но бунсэцу [Анализ таблицы «Статистические данные по объемам национального производства по секторам и продуктам»]. — HUSCAP, 1951.

Продуктовая структура японской экономики в 1874 г. (тыс. иен, %)

Отрасль/категория продуктов		Объем производства			%	
Сельское хозяйство	Растениеводство	рис	142799			38,4
		зерновые	25 073			6,7
		бобовые, каштан, др.	16 107			4,3
		картофель и др. овощи	227 287		61	3,1
		производственное сырье (хлопок, семянные растения, коконы шелкопряда, индиго, табак)	27 915	256 606	68,9	7,5
	Растениеводство	199 372			53,6	
	Лесное хозяйство	14 565			3,9	
	Водное хозяйство	7276			2	
	Животноводство	7478			2	
	Промышленность		текстиль, шелк-сырец, красители, хлопчатобумажная нить	30 994		
продукты питания и напитки: sake, соевый соус			46 945			12,6
растительные масла			7018			1,9
глиняные изделия, фарфор, бочки, металлические изделия, товары повседневного спроса			8522	111 892	30,1	2,3
бумага, письменные принадлежности			5738			1,5
инвентарь, удобрения			6703			1,8
остальное			5972			1,7
золото, серебро, медь, железо и т.д.			3809			1,0
Всего			372 307			100

Рассчитано по: [Ямагути, 1951].

Таблица 2

Продуктовая структура японской промышленности в 1874 г. (иен, %)

Наименование товара	Объем производства (иен)		%
Материя	17 159	30 994	27,7
Крашенные ткани	3033		
Швейные изделия	1367		
Шелк-сырец	6165		
Шелковые нитки для вышивания	220		
Хлопковые нитки	1234		
Обувь	1816		
Спиртные напитки	18 605 495	46 944 869	41,9
Соевый соус	6 338 489		
Паста из соевых бобов	6 137 487		
Чай	3 951 163		
Соль	2 393 802		
Сахар	1 379 861		
Др. продукты питания	8 084 202		
Др. напитки	4370		
Татами	1 432 370	1 913 137	1,7
Сёдзи	480 767		
Масло	5 442 523	7 017 856	6,3
Воск	1 575 333		
Керамика	2 092 030	8 521 690	7,7
Лакированные изделия	919 914		
Столярные изделия	593 585		
Изделия из дерева	77 175		
Музыкальные инструменты	44 482		
Бочки	981 231		
Мелкие металлические изделия	1 537 267		
Изделия из бамбука	758 311		
Товары повседневного спроса и игрушки	1 484 913		
Изделия из стекла	32 782		
Бумага	5 166 881	5 737 986	5,2
Письменные принадлежности	392 406		
Книги	164 256		
Художественные изделия	14 443		
Металлические изделия и орудия труда	3 060 854	6 702 855	5,9
Навоз	3 057 391		
Корабли	136 753		
Канаты и веревки	447 857		
Лечебные средства	366 903	4 059 509	3,6
Лекарственные средства	317 385		
Косметические средства	854 624		
Другое	2 520 597		
Всего	8 0878 896		100

Рассчитано по: [Ямагути, 1951].

Как видно из данных, приведенных в табл. 1, объем всего производства в стране в денежном выражении в 1874 г. составил 372 млн 307 тыс. иен, из которых продукты, производимые первичным сектором экономики, составили почти 68,9%, добыча ресурсов — 1%, а промышленная продукция — 30,1%. Основную часть сельскохозяйственной продукции составляли продукты, которые шли в пищу без производственной переработки. Однако и доля производственного сырья была значительной и составляла 7,5% от всего объема производства в Японии. Кроме того, следует отметить, что наблюдалась динамика роста доли производственного сырья¹ [Сугияма, 2015, с. 148]. При этом, если в среднем по стране доля промышленной продукции в общем объеме производства составила 30%, то в таких экономических центрах, как Токио, Осака и Киото, этот показатель достигал уровня 51, 64 и 62% соответственно [Ямагути, 1951, с. 28]².

Если более подробно рассмотреть промышленный сектор (табл. 2), то производство продуктов питания и напитков в общем объеме производства составляло почти 13%, а продукты, относящиеся к текстильному производству, составляли более 8%. Доли этих же категорий товаров в объеме промышленного производства составили 41,9 и 27,7% соответственно. Все остальные статьи занимают сильно меньшие доли в общем объеме производства и за некоторым исключением не превышают 5%.

Данные исследования показывают, что в Японии к 1874 г. было широкое разнообразие промышленных продуктов, но речь идет только о товарах традиционной промышленности. Несмотря на то что в регионе Тёсю и были сделаны некоторые первые попытки внедрения современных технологий производства, в масштабах всей страны это не стимулировало даже небольших изменений в сторону индустриализации, не говоря уже о том, что все эти проекты показали экономическую нецелесообразность.

Заключение

Быстрый переход Японии к открытию границ для международной торговли в 1854 г. одновременно со слабым государственным регулированием внутреннего рынка усилил политический и экономический кризис в стране. Это привело к окончательной потере рычагов управления центральным правительством и скорой смене власти.

¹ Сугияма Синъя. Экономическая история Японии. Новое и новейшее время [Нихон кэйдзайси. Кинсэй-гэндай]. — Иванами сётэн, 2015. — С. 148.

² Ямагути Кадзуо. Мэйдзи нана нэн фукэн буссанхё-но бунсэцу [Анализ таблицы «Статистические данные по объемам национального производства по секторам и продуктам»]. — HUSCAP, 1951. — С. 28.

Экономика страны подверглась структурной деформации в пользу усиления аграрного сектора при сокращении промышленного производства. Все еще слабая мануфактурная промышленность не смогла выдержать иностранной конкуренции. Одновременно с этим началось усиленное развитие отраслей, которые были ориентированы на экспорт. Было подорвано функционирование некоторых традиционных продуктово-производственных цепочек и логистических схем японских товаров внутри страны.

В целом можно заключить, что выход Японии из самоизоляции и открытие внутреннего рынка страны для международной торговли в 60–70-е гг. XIX в. оказали депрессивное воздействие на промышленность в некоторых регионах страны, особенно это касалось районов, традиционно занятых производством хлопчатобумажной продукции (ниток и ткани). Хотя одновременно с этим промышленный рост наблюдался в районах, чья продукция стала в больших количествах экспортироваться, особенно ярко эта тенденция проявилась в производстве шелка и чая, т.е. в тех отраслях производства, которые были связаны исключительно с традиционной сельскохозяйственной деятельностью.

Если рассмотреть процессы, протекавшие в Японии в период *бакумацу*, в более широком контексте, то следует заключить, что именно с этого момента начинается включение страны в мировую систему торговли. При этом Япония в торговых отношениях не была равноправным участником и выступала скорее не как субъект, а как объект этих новых для нее экономических отношений.

В Японии периода *бакумацу* отсутствовала частная собственность на землю. В это время все еще не сформировался единый внутрияпонский рынок без таможенных пошлин между регионами и рынок рабочей силы. Не происходило также интенсивного процесса разделения труда. Производство с разделением труда стало формироваться только в самых зачаточных своих формах с 20-х гг. XIX в. в хлопчатобумажной промышленности, которая с открытием японского рынка для международной торговли в 1853 г. пришла в упадок.

К моменту непосредственного столкновения с западными державами, хотя Япония и отставала от них технологически в силу неразвитости мануфактурного производства, уровень интеграции японского внутреннего рынка и его централизации вокруг спроса, возникающего со стороны крупных городов, ничуть не уступал ведущим мировым державам. Формирование и усложнение товарно-производственных цепочек, в свою очередь, способствовали развитию транспортной инфраструктуры, охватывающей сеть большую часть страны, все сильнее укрепляя региональные взаимосвязи рынка.

Список литературы

1. *Богданович Т. А.* Очерки из прошлого и настоящего Японии // История Японии. — Русская панорама, 2003. — С. 73–157.
2. *Гальперин А. Л., Бедняк И. Я.* Очерки новой истории Японии 1640–1917. — М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
3. *Лещенко Н. Ф.* К вопросу о внутренних факторах развития капитализма в Японии // Дискуссионные проблемы японской истории. — М.: Наука, 1991. — С. 127–153.
4. *Лещенко Н. Ф.* Япония в эпоху Токугава. — М.: Крафт+, 2010.
5. *Маркс К.* Капитал. — М.: Прогресс, 1975.
6. *Мещеряков А. Н.* Японский император и русский царь. — М.: Наталис; Рипол классик, 2004.
7. *Ёсида Мицукун.* Оятои гайкокудзин. Сангё [Нанятые иностранцы. Промышленность]. — Касима кэнкюдзё, 1968.
8. *Кавакацу Хэйта.* Адзиа коэкан то Нихон когёка, 1500–1900 [Торговые отношения в Азии и промышленное развитие Японии, 1500–1900]. — Рибуро пото, 1991.
9. *Кавакацу Хэйта.* Сакоку-о хираку [Открывая Японию]. — Добункан, 2000.
10. Киндай адзиа боэкикэн-но кэйсэй то кодзо [Формирование торговли в Азии в Новое время и ее структура] // Сякай кэйздай-си гаку [Социально-экономическая история]. — 1985. — Т. 51. — № 1.
11. Киндай икоки но нихон кэйздай: бакумацу-кара мэйдзи-э [Экономика Японии в период перехода к Новому времени: от бакумацу к Мэйдзи]. — Нихон кэйздай синбунся, 1979.
12. *Кито Хироси.* Бунмэй тоситэ Эдо сисугэмү [Система Эдо через призму цивилизации]. — Коданся, 2002.
13. *Морисима Митио.* Надзэ нихон-ва сэйкосита ка. Сэнсингидзюцу то нихонтэки синдзё. [Почему Япония добилась успеха? Передовые технологии и японский этос]. — TBS Britanica, 1984.
14. *Ота Ёсиюки, Кавагүти Хироси, Фудзии Нобуюки.* Нихон кэйздай-но ни сэн нэн [Две тысячи лет японской экономики]. — Кэйсосёбо, 1997.
15. *Сугияма Синъя.* Нихон кэйздайси. Кинсэй-гэндай [Экономическая история Японии. Новое и новейшее время]. — Иванами сётэн, 2015.
16. *Ямагүти Кадзүо.* Мэйдзи нана нэн фукэн буссанхё-но бунсэцу [Анализ статистических данных по объему производства по префектурам за 1874 г.]. — HUSCAP, 1951. — P. 24–58.
17. *Ясуба Ясүкүти, Сайто Осамү.* Пурото когёка ки-но кэйздай то сякай [Экономика и общество в период протоиндустриализации]. — Нихон кэйздай синбунся, 1983.
18. *Harrison D. F.* Bridges and Economic Development, 1300–1800 // The Economic History Review. — Glasgow, 1992. — Vol. 59. — No. 2. — P. 240–261.
19. *Илмх А. Н.* Economic Elements in the Pax Britannica. — Harvard University Press, 1958.
20. *Marius B. Jansen.* The making of Modern Japan. — Harvard University Press, 2002.
21. *Matsukata Masayoshi.* Report on the Adoption of the Gold Standard in Japan. — Tokyo: Government Press, 1899.

22. *Nakamura J.* Meiji Land Reform, redistribution of income, and saving from agriculture. // Economic development and cultural change. — Chicago Press, 1966. — Vol. 14. — No. 4. — P. 428–439.
23. *Om Prakash.* The Dutch East India Company and the economy of Bengal, 1630–1750. — Princeton University Press, 1985.
24. *Saito Osamu.* Land, labour and market forces in Tokugawa Japan // Continuity and Change. — Cambridge University Press, 2009. — Vol. 24. — No. 1. — P. 169–196.
25. *Saito Osamu.* Scenes of Japan's Economic Development and the «Longue Duree» // Bonner Zeitschrift für Japanologie. — Bonn, 1986. — Vol. 8. — P. 15–27.
26. *Saito Osamu.* The Industrial Peasantry of Tokugawa Japan. — Japan echo, 2003.
27. *Smith T. C.* Farm Family By-employments in Preindustrial Japan. — Cambridge University Press, 1869. — Vol. 29. — No. 4. — P. 687–715.
28. *Wallerstein I.* The Modern World System. Vol. 3. — San Diego, 1980.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Bogdanovich T. A.* Ocherki iz proshlogo i nastoyashego Yaponii // Istoriya Yaponii. — Russkaya panorama, 2003. — P. 73–157.
2. *Gal'perin A. L., Bednyak I. Y.* Ocherki novoy istorii Yaponii 1640–1917. — M.: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1958.
3. *Leschenko N. F.* K voprosu o vnutrennih faktorah razvitiya kapitalizma v Yaponii // Diskussionnyie problemy istorii. — M., 1991. — P. 127–153.
4. *Leschenko N. F.* Yaponiya v epohu Tokugava. — M.: Kraft+, 2010.
5. *Marks K.* Kapital. — M.: Progress, 1965. — 320 p.
6. *Mesheryakov A. N.* Yaponskiy imperator i russkiy tsar'. — M.: Natalis; Ripol klassik, 2004.
7. *Yoshida Mitsukuni.* Oyatoi gaikokujin. Sangyou. — Kashima kenkyujo, 1968.
8. *Kawakatsu Heita.* Ajia koekan to nihon kogyouka, 1500–1900. — Riburo potō, 1991.
9. *Kawakatsu Heita.* Sakoku-wo hiraku. — Dobunkan, 2000.
10. Kindai ajia boekiken no keisei to kozo // Shakai keizaishi gaku. — 1985. — T. 51. — № 1.
11. *Kito Hiroshi.* Bunmei toshite edo sisutemu. — Kodansha, 2002.
12. Kindai ikouki no keizai. Bakumatsu kara meiji e. — Nihon Keizai shinbunsha, 1979.
13. *Morishima Michio.* Naze nihon wa seikoshita ka. Senshingijyutu to nihonteki shinjyou. — TBS Britanica, 1984.
14. *Ota Yoshiyuki, Kawaguchi Hiroshi, Fujii Nobuyuki.* Nihon keizai no ni sen nen. — Keisou syobou, 1997.
15. *Sugiyama Shin'ya.* Nihon keizaishi. Kinsei-gendai. — Iwanami shouten, 2015.
16. *Yamaguchi Kazuo.* Meiji nananen fukēn bussanhyou no bunsetsu. — HUSCAP, 1951. — P. 24–58.
17. *Yasuba Yasukichi, Saito Osamu.* Puroto kogyouka ki no keizai to shakai. — Nihon keizai shinbunsha, 1983.